— Уф…

Всё его тело было туго связано. Янь Мугэнь не мог пошевелить запястьями, как бы сильно ни выкручивал их. Чо Соёп позаботился о том, чтобы он не смог ни убежать, ни даже пошевелиться. Он даже не мог говорить, потому что Соёп заткнул ему рот кляпом, хотя вокруг никого не было.

Единственное, что он мог делать, это извиваться на земле. Ему потребовалось значительное количество энергии, чтобы просто немного пошевелиться. Пот струился у него по спине, несмотря на то, что стояла глубокая зима, и было так холодно, что ему казалось, будто у него вот-вот застынет кровь.

Мугэнь повернул голову, чтобы посмотреть, где нож. Когда он по чистой случайности высмотрел брошенный предмет, он казался так далеко — хотя теперь он мог почти коснуться его плечом. Он продолжал извиваться в отчаянной попытке схватить его.

— Уф!..

Тем временем он сжимал и разжимал кулаки, потому что его пальцы одеревенели от холода. Никогда в жизни он так не мучился. Он хотел выругаться, но всё, что у него получилось — это пара стонов, потому что он не мог нормально двигать ртом.

Рукоять ножа была изношена, а его лезвие сильно проржавело, потому что он пролежал там довольно долго, но его присутствие давало Мугэню надежду на выживание, и это злило его ещё больше. Вина за то, что он сказал, когда бросил ЯньМугэня на землю, лежала на Соёпе.

— Ты, вероятно, всё равно умрёшь, даже если я не запачкаю руки, — сказал он.

Мугэнь не ответил. Он был совсем недалеко от входа в Юбжу. Его руки и ноги были связаны, так что была высокая вероятность, что он замёрзнет насмерть, даже если крылатые несчастья не набросятся на него и не убьют.

Соёп говорил о смерти Мугэня так, будто он всего лишь констатировал очевидное, когда отбросил связанного парня в сторону, словнок предмет багажа. Его голос звучал холоднее, чем морозный ветер, когда он сказал:

— Но не теряй надежды, вдруг сможешь выжить до самого конца.

Тон Соёпа явно подразумевал, что Мугэнь умрёт в любом случае. Мугэнь упрямо спросил в ответ:

— Что ты собираешься делать, если мне действительно удастся выжить?

Цзинь Е рассмеялась ему в лицо, и Соёп, конечно, тоже подумал, что Мугэнь говорит чепуху, но тот действительно намеревался выбраться из Юбжу на своих двоих ногах. Ему было всё равно, когда они говорили, что причин для такой уверенности у него нет. Начнём с того, что за ним никогда не числилось ничего, кроме его невежества и настойчивости.

Он просто умрёт, если потерпит неудачу, и сможет сбежать, если выживет. Он даже не сможет сожалеть о том факте, что его мечты не сбылись, потому что он всё равно больше не сможет думать, как только умрёт. Если бы он боялся смерти, то никогда бы не озвучил ничего настолько безумного, как желание завладеть Цзинь Е и оставить на ней отпечаток.

Вскоре после того как Соёп увидел огонёк неповиновения в глазах Янь Мугэня, он ответил:

— Что мне остаётся делать? Её Величество сказала, что вознаградит тебя соответствующим образом, если выживешь, так что, я полагаю, это не такая уж плохая идея и может тебя обнадёжить. Кем, ещё раз, она сказала, тебя сделает? Наложником?

— Она сказала, что сделает меня своим супругом, если я действительно докажу свою полезность.

— Даже не знаю, действительно ли она просто так передаст тебе эти титулы… — Соёп намеренно сформулировал свой ответ так, чтобы казалось, будто он демонстрирует свои близкие отношения с Цзинь Е. Мугэнь почти хотел возразить, потому что хвастовство Соёпа показалось ему забавным, но он не смог, потому что Соёп заткнул ему рот прежде, чем у него появился шанс ответить.

В любом случае, именно так Мугэнь оказался в своей нынешней ситуации. Он сделал ещё один глубокий вдох и снова начал ёрзать. Он чувствовал себя гусеницей. Но он был не против стать жуком — даже настоящим — если это означало, что он сможет пережить это и увидеть Цзинь Е ещё раз. Мугэнь хотел предстать перед ней ещё раз, даже если она прикажет обезглавить его, как только увидит. Он хотел, чтобы она признала его полезность.

Несмотря ни на что…

Он нашёл то, чего отчаянно желал, даже если нужно было рисковать своей жизнью, чтобы это заполучить. Он не знал, были ли его чувства жестокой шуткой, разыгранной его именной печатью, чтобы навязать ему эмоции, и ему было всё равно. Важно было то, что её имя было на его теле, и он пал перед её изысканной красотой. Янь Мугэнь инстинктивно знал, что эта женщина полностью перевернёт его жизнь. Он так отчаянно нуждался хотя бы в толике её внимания, что отбросил свою гордость и умолял об этом.

Что мог предложить императрице такой обычный мужчина, как он? У него ничего не было. Всё, что он мог делать — это ползать, как насекомое, цепляясь и умоляя под её крошечными ножками. И даже в таком случае нет никакой гарантии, что она заметит его. В конце концов, разве она не была той самой женщиной, приказавшей бросить его сюда? Чёртовы именные печати.

Самой абсурдной частью всего этого было то, что Янь Мугэнь по уши влюбился в неё, даже когда она приговорила его к смерти в Юбжу. Не имело значения, что она была императором, правящим этой страной, и знатью, сильно превосходящей его по положению. Она была его предначертанной судьбой, женщиной, которую создатель повелел ему любить.

Мугэнь намеревался покориться судьбе. Цзинь Е, с другой стороны, казалось, бросала ей вызов.

«Я не желаю такого жалкого человека, как ты», — говорила она.

«Тогда я заставлю тебя захотеть меня», — подумал он.

Он выживет, сбежит из Юбжу и даже станет императорским супругом. Его непоколебимая решимость возвысится надо всеми. Возможность сидеть рядом с Цзинь Е и заставить её по-настоящему увидеть его, подпитывала его волю к жизни.

Именно тогда у Мугэня открылось второе дыхание, когда он нащупал кое-что рукой — остриё ножа. Он ещё немного изогнулся — так, чтобы лезвие тёрлось о верёвку, связывающую его запястья.

«Если бы я только мог развязать её…».

Он слышал, как нож разрезает верёвку — к счастью, лезвие не затупилось. Натяжение понемногу ослабевало. Его запястья были связаны так туго, что кровь не могла нормально циркулировать, но теперь он чувствовал, как тепло медленно возвращается к его замёрзшим кончикам пальцев. Но как раз в этот момент…

Птичье щебетание достигло его ушей. Это не было типичным птичьим пением. Больше было похоже на то, что птица пыталась петь, но пропустила ноту. Или, возможно, что-то было не в порядке с её горлом.

Мугэнь прекратил свои попытки перерезать верёвку. Тень упала на его тело, подобравшись к лицу прежде чем он осознал это. Ощущалось присутствие чего-то нечеловеческого.

Холодный ужас сжал сердце Мугэня, и его сердце неровно забилось. Он чувствовал себя так, словно нога великана раздавила его. Он повернулся к небу, чтобы подтвердить свои тревожные подозрения.

Крупинки белого снега диагонально падали на ветру, затемняя небо. Солнце едва виднелось за густыми облаками. Погода была ужасная: в такую он никогда бы не вышел на улицу без веской причины.

Но сейчас было не время жаловаться на погоду. Под затемнённым солнцем летел тёмный

объект. Мугэнь сразу узнал его, как только увидел крылья.

На Мугэня летело одно из самых осязаемых бедствий, когда-либо обрушившихся на мир — крылатое несчастье.

http://tl.rulate.ru/book/72898/3599740